

*Автор посвящает этот роман
памяти Ильяса Эфендиева*

Рисунок Марины Медведевой

20

Понемногу светало, и бляение овец в эту утреннюю рань, слившись с журчанием Аракса, разошлось по степи Харамии.

Началась утренняя дойка, и жена Рыжего Чабана с двумя товарками споро доили овец, оставляя в вымени немного молока для ягнят; завершив доить, легко шлепали овцу по курдюку, и как только она отходила, ожидавший ее ягненок, тут же протиснувшись под мать, жадно прилипал к ее сосцам, а доярки приступали к очередной овцематке.

Рыжий Чабан сидел поодаль, на пригорке, опершись подбородком на кизилую клюку, которую придерживал обеими руками. Выстроганная еще в молодости, высушенная на огне, с годами ставшая гладкой клюка черна от грязи. Рыжий Чабан ясно слышал журчание Аракса, дружное бляение овец, даже ощущал аромат свежего молока, стекающего в подойник.

Тот звук стекающего в подойник молока, его аромат и на сей раз спустили с неба на землю гурию, обернутую в прозрачный тюль. Та гурия так нежна, воздушна, подуй слегка — рассыплется, улетит, словно одуванчики, растущие в степи Харамии. Оголенное тело гурии не было прозрачным, оно еле просматривалось, и Рыжий

Чабан, сузив глаза, старался яснее разглядеть его, но линии тела сквозь тюль не проглядывались, темнели лишь соски груди и прогалина меж ног. Рыжий Чабан не мог разглядеть и лица той гурии, но ощущал, как ощущают холод и тепло, что, глядя на него, она улыбается, и это ощущение было самым сладостным во всей его жизни.

На свете никто, кроме Аллаха, не знал этой тайны Рыжего Чабана: гурия явилась сразу после того, как принц Аббас Мирза увез его старшую дочь, и всякий раз, когда, слетев с неба, оказывалась напротив Рыжего Чабана, все его тело охватывала легкость, подобная легкости самой гурии. Проводя всю жизнь вне дома, вместе с отарой в предгорьях, степях, на равнинах, Рыжий Чабан и представить не мог, что может существовать в природе подобная легкость, и по мере того как росло число овец в отаре, казалось, что гурия улыбалась еще ласковей, сердечней, и в это время нежность ее расцветала, подобно раскрывающимся по весне цветам в степи Харамии.

Дело в том, что прежде Рыжий Чабан имел отару примерно в сто пятьдесят овец, во время окота численность отары достигала почти двухсот пятидесяти. Пять рысаков Принца же он выменял на сто семьдесят овец — за каждого коня дали тридцать пять овец,

и теперь он был чабаном не на службе у кого-то, а чабаном — хозяином, собственником своей отары, и для пригляда за овцами нанял дополнительно чабана, порой ведь отара раздваивалась, одному с таким числом барашков уже не справиться. А когда начиналась стрижка овец, работы становилось еще больше, и он нанимал второго чабана. Рыжий Чабан взял на подмогу также соседскую вдову и ее засидевшуюся в девках дочь, чтобы помогали жене: доить овец, сбивать масло, заквашивать сыр и выносить все это на продажу нелегкое, хлопотное дело.

Дети Рыжего Чабана были еще мальцами — пятеро или шестеро, — двое или трое умерли еще грудничками, а эти пока ни на что не годились, только подай-отнеси, и все тут; привыкшие просыпаться рано, они целый день возились среди овец.

Рыжий Чабан сидел, устремив глаза на отару, но гурия, отведав его глаза от овец, как всегда унесла вдаль, и даже звук струящегося молока и его аромат не возвращали его взгляд назад.

Рыжий Чабан хорошо знал язык овец и коз, и пройдёт какое-то время — кто ведаёт о делах Всевышнего? — быть может, и он, Рыжий Чабан, станет одним из уважаемых людей в своей округе, выбросит вон чабанскую клюку, будет сидеть в собственном доме подобно карабахским бекам. Разве не все в руках Аллаха? Может, по воле Аллаха судьба избавит Рыжего Чабана от вечного запаха овечьего помета, уложит его в постель в шелках, и тогда гурия не станет скрывать от него свое тело?

За всю свою жизнь Рыжий Чабан не знал иного женского тела, кроме своей жены. С годами же, когда жена, согрев воду, раздевшись, купалась, Рыжий Чабан отворачивался, чтобы не видеть ее телеса, напоминавшие опустевший бурдюк. Прекрасное женское тело многие годы жило только в его представлении, а разглядеть стан опустившейся с неба на землю гурии никак не удавалось. Правда, гурия, глядя на него с пяти-шести шагов, улыбалась — в этом Рыжий Чабан нисколько не сомневался. А не подпускали ее ближе к нему, то есть к Рыжему Чабану, косматая, из овчины, папаха, старая чоха да грязные чарыки на ногах и еще запахи той папахи и чохи. Сам Рыжий Чабан не чувствовал эти запахи, но в минуты, когда глядел на гурию, сознавал, что от него отдает совсем не приличествующими гурии запахами. И Рыжий Чабан думал и о том, что насколько ему родны запахи овец и коз, настолько же чужды и омерзительны они гурии, и потому прилетает она только тогда, когда вокруг разливается аромат свежеевдоенного молока.

И в это раннее утро, оперевшись подбородком на клюку, глядя на столь близкую и далекую гурию, мысленно

слонив под себя ноги, Рыжий Чабан — опять же мысленно — сел на подушечку с шелковой наволочкой и, прислонившись локтем к такой же, с шелковой наволочкой, мутаке, впервые за свои сорок — сорок пять лет — точной даты своего рождения он, разумеется, не знал, — оторвавшись от запахов отары, весь погрузился в аромат и благоухание гюлаба — розовой воды. Он и прежде, бывая на траурных церемониях по поводу смерти родных или близких, улучив момент, как это принято, протирал лицо и руки гюлабом, но от духа овец, осевшего на него с детских лет, то благоухание быстро улетучивалось.

Глядя на гурию, весь погруженный в уже не выдающиеся запахи гюлаба, сидя на шелковой подушечке, распивая принесенный служанкой настоящий на шафране шербет, он отложил в сторону пиалу, протянув руку, открыл крышку серебряной шкатулки, вытащил из нее горсть драгоценностей, протянул гурии. Гурия словно ожидала этого момента, приблизилась, ее оголенное тело, чуть прикрытое тюлем, стало просвечиваться ясней, но тут вдруг заревел один из детей, и гурия остановилась.

Рыжий Чабан посмотрел на детвору, что возилась среди отары — один из мальчиков, ударив другого, расквасил ему нос, а тот поддал силу глотке, — и в это время чабан вспомнил свою старшую дочь, которую увез Принц. У него столько забот с теперь уже большой отарой, что не было времени вспоминать кого-то, даже дочь, а когда выдавалась свободная минутка, прилетала та самая гурия, — и вообще, погружаться в какие-то воспоминания было делом далеким от его существования.

И в этот утренний час, когда он вдруг вспомнил дочь, все еще стоявшая перед Рыжим Чабаном гурия, окутанная в легкий, почти прозрачный тюль, прежде чем улететь, шепнула ему на ухо: «Дуралей! Надо было просить у Принца не пять, а десять коней!..»

Рыжий Чабан воспринял слова гурии достаточно спокойно, он и сам знал, что совершил глупость, продешевил, попросив за девушку всего пять рысаков.

* * *

...Среди людей в шатре ОН узнал Аббаса Мирзу.

Там, в том видимом измерении, ОН не знал Аббаса Мирзу, но по нити ОГО прозрачной и невесомой субстанции этот длинноротый красивый молодой человек был, конечно же, Аббас Мирза.

Аббас Мирза, кивнув в сторону небольшого круглого столика, сказал: «Скопец!..» — и тот, быстро пройдя вперед, снял зеленый шелковый платок, и Голова снова устремила на НЕГО взгляд.

ОН с самого начала совершенно точно знал, что под зеленым шелковым платком находится Голова, и ОН не желал, чтобы с Головы сняли зеленый шелковый плат, открыли ее на обозрение.

Но там, в том видимом измерении, от ЕГО желаний ничего не зависело, ЕГО субстанция в измерении ничего не значила, ибо там ЕГО не было.

ЕГО призрачность и невесомость не воспринимались в том, кажущемся идиллией, измерении, это ОН уже осознал. Но когда какой-то человек там, в шатре, плюнул в лицо Головы, ОН инстинктивно хотел увернуться, но это ЕГО желание также было невыполнимо, ибо ЕГО прозрачная и невесомая субстанция соткана лишь из ощущений, в ней нет места механике.

* * *

...Когда некто смачно плюнул в лицо Головы, человек, снявший с нее зеленое шелковое покрывало — скопец, — вздрогнул, и ОН увидел затаившуюся в глубине его глаз бесконечную печаль, затем демонический блеск рассеял ее, и блеск исчез так же внезапно, как и появился.

И вдруг то видимое измерение стало кипенно-белым, и в той белизне, кормя державшего на коленях сына куличом, какая-то женщина напевала:

Моя любовь будет всегда с тобой, мой сыночек...
 Моя любовь всегда будет защищать тебя, мой сыночек...
 У тебя будут прелестные дети-шалуны...
 У тебя будут внуки, правнуки, праправнуки...
 Тогда меня не будет, но...
 Моя любовь будет с вами, мой сыночек...
 Моя любовь станет защищать вас, мой сыночек...

...ОН знал, что мальчик — тот самый, дрогнувший от неожиданности и страха в шатре скопца.

Сколько лет прошло после той песни?

Но разве это имело значение?

В той белизне видимого измерения карапуз ел кулич и, тербя пухленькой ручонкой нательный крест, висевший на шее матери в белом платке, слушал белую песню...

...Для НЕГО не было разницы, на каком языке пелась песня, так как в том измерении ОН ощущал, именно ощущал слова одинаково, и ЕМУ было все равно, на каком языке поет песню мать в кипенно-белом платке...

* * *

...Слюна со лба Головы, просочившись сквозь ресницы, стекала со щеки на подборок...

...ОН не хотел всматриваться в будущее мальчугана, что сидел на коленях матери в кипенно-белом платке, да это от ЕГО желаний и не зависело...

21

Джафар был конокрадом, и от Шемахи и Ахсу до самых Сальян у него свои особые покупатели-спекулянты, они задешево покупали у него коней, перепродавая втроедорога. Джафар не был жадным, алчным до денег человеком, и часто проявлявшие особую скупость перекупщики расплачивались с ним не деньгами, а мешком муки, риса или сахара. Единственной его заботой на этом свете была необходимость прокормить свою большую — восемь душ — семью, то есть он сам, Джафар, его жена и шестеро дочерей-погодков, и набивший руку на угоне коней Джафар в это нелегкое время худо-бедно справлялся с этим.

Джафар никогда не угонял коней из ближних регионов, отправлялся куда подальше, где его не знали, где не могло быть знакомых или родственников; угон коней из дальних местностей как бы снижал степень греховности его промысла. Три, в лучшем случае четыре раза в год отправлялся за конями, иногда на север — в сторону Баку, Кубы или Дербента, а иногда на юг; за Аракс он не ходил, те места ему были незнакомы — ехал в сторону Гянджабасара, но больше всего в Карабах, Агдам, а порой, поднявшись повыше, добирался до сел Шушинской крепости. Наметив добычу, той же ночью совершал свое дело, и самое поразительное, эти угнанные животные словно знали Джафара, совсем не дичились, так, будто Джафар был их родным конюхом, вели себя смиренно, выполняли все его приказания.

Джафар имел и собственную лошадь, возрастом постарше, чем угоняемые кони, но он ее не менял и иногда, думая, что когда-нибудь все же придется сменить эту клячу, по-настоящему расстраивался, не только потому, что привык к ней, дорожил ею и любил ее — единственного товарища по воровским вылазкам, но и потому, что кляча одним взглядом, жестом понимала, чего хочет, чувствовала, что будет делать Джафар. Самое поразительное — лошадь словно человек, она становилась как бы аксакалом, коноводом угнанных коней, успокаивала их, а в резвости порой не уступала молодым рысакам, и это, конечно же, было результатом любви и постоянного ухода за ней Джафара.

Село Сумахлы, в котором проживала семья Джафара, расположено на склоне гор, в лесистой местности, где на каждом шагу клокотали родники. Вода и воздух на селе настолько чисты и прозрачны, что всякий

раз, когда Джафар, сев на свою клячу, отправлялся за очередной добычей в низину, ему словно не хватало дыхания, его мучило от речной или колодезной воды. Джафару казалось, что на равнине и его старая кляча переживает те же страдания, что и он сам. Но что делать? — в том прекрасном селе Сумахлы его поджидала семья, и, подобно тому, как дикие звери несут добычу своим детенышам, так и Джафар должен был вернуться с угнанным конем.

Сложенный из сырого кирпича дом Джафара был первым при въезде в село, и как только он пригонял очередного коня, тут же — Аллах знает, откуда они это узнавали, — набегали спекулянты-перекупщики, и кто оказывался первым, тот и уводил коня. Джафар не любил набивать цену, подолгу торговаться. На селе шли и такие разговоры, будто пара карабахских гнедых, в свое время угнанных Джафаром, была продана покупателям — русским, а российский падишах, мол, подарил их падишаху английскому. Было ли это так или нет — этого никто не знал, даже единственно грамотный человек на селе Молла Зульфугар говорил: не верится мне в эти байки, сомневаюсь, чтобы падишах такой огромной страны, как Россия, не найдя ничего существенней для подарка английскому падишаху, отправил ему коней, ведь русский падишах богаче, чем все наши беки и ханы, вместе взятые. Однако в тех случаях, когда Джафар пригонял по-настоящему породистых карабахских коней, о них сразу становилось известно всему селу: и стар и млад, в том числе и Молла Зульфугар, торопились полюбоваться скакунами. Особенно весной или летом, когда село заливало солнцем: золотисто-рыжая масть карабахских коней в чулках, со звездочками на лбу сияла под лучами солнца, а грива и покрасневшие на концах хвосты переливались различными красками; казалось, это сияние, эта игра цветов приносили радость какой-то прекрасной, далекой от этого села родины этих коней, и все жители, исключая Джафара, не сомневались в прекрасности того мира. Кони, что пригонял Джафар, были героями единственных представлений, приносящих некий обновленный интерес, волнение в привычную, повседневную жизнь села, и чем привлекательней и ретивей они, тем сильнее наполняли души жителей села Сумахлы особой гордостью: надо же, именно эти карабахские скакуны оказались в их селе, они те самые, что мог подарить — хотя Молла Зульфугар и сомневался в правдивости этих разговоров — русский падишах падишаху английскому.

После прихода русских войск дела Джафара заметно облегчились, ибо не было необходимости отправляться куда подальше, да и стало проще приручать украденных животных: они, как правило, еще

не привыкли к своим новым хозяевам и друг к другу, так как или были конфискованы русскими, достались в качестве трофея, или, может, куплены за деньги у азербайджанских беков или грузинских князей. Но встречались и особо редкие породистые скакуны, которые дарили ханы, известные князья и беки русским вельможам, но с ними Джафар предпочитал не связываться. Правда, угонять коней из русского военного лагеря намного опасней — солдаты бдительны, всегда начеку, — но Аллах оберегал Джафара; всякий раз он возвращался живым и здоровым на своей кляче вместе с уведенным конем, но, конечно, если смотреть в корень, Аллах не должен бы защищать вора, но, видимо, в этом случае объектом милосердия Аллаха был не сам Джафар, а его шесть дочерей, ждущие дома, и мать тех самых шести кровиночек.

Но, оказалось, подобное милосердие Аллаха не вечно, и в то весеннее утро русские солдаты, поймав Джафара, сняли с него портки, и, усадив на спину по-настоящему плешивого ишака, перевязали веревкой по бокам осла его ноги и голень, а также руки за спиной и, смеясь и от души веселясь, крикнув: «Пошел!», крепко пнули животное под зад.

И уже более двух часов усаженный на плешивого ишака Джафар мог уповать только на Бога, думая, куда приведет его эта скотина, а плешивый ишак, уже пришедший в себя после полученного крепкого пинка, спокойно шел своей дорогой, и сколько Джафар ни думал, никак не мог найти выход из создавшегося положения. К тому же с каждым шагом осла жесткая шерсть животного впивалась в оголенную, ниже спины, часть тела Джафара, колола его голень, ягодичцы, думать было сложно... Но ничего не поделать, его перевязали так надежно, что он не мог даже пошевелить ногами или руками. Прежде, всякий раз, когда ехал угонять коней, на пути ему часто попадались бредущие по склонам гор и весям всякие бродяги, но на сей раз ни один из них не встретился, чтобы спасти его от позора или хотя бы, дав ему по голове булыжником, раздев окончательно, уже увести и плешивого осла.

Плешивый ишак еще какое-то время шел по потрепавшей от безводья равнине, затем такой же неторопливой поступью стал взбираться на встретившуюся на пути гору.

Под обжигающими лучами солнца от жажды у Джафара пересохло в горле, но не меньше страданий приносила и горечь оттого, что его незабвенная кляча осталась у русских. Даже в такой кошмарный день, весь перевязанный по рукам и ногам, Джафар не мог забыть ее и когда он думал, что русские солдаты зарежут и съедят клячу, на его глазах выступали слезы. В том, что зарежут и съедят лошадь, Джафар несколько не со-

мневался: русские не станут ездить на ней, не пристегнут к арбе.

Плешивый осел, несущий на себе Джафара, бредя по одинокой тропе по одному из склонов горы, наконец выбрался на площадку, откуда в разные стороны разбегалось несколько троп. Ступив на одну из них, стал уверенно взбираться вверх.

Поначалу Джафару думалось, что животное не знает, куда бредет, но, оглядываясь по сторонам, начал нервничать, и как только осел, которому на все наплевать, опустил морду, осторожными шажками вышел на узкую тропинку, что вилась по краю обрыва, у Джафара не осталось сомнения: это та самая тропа, которая приведет прямо к околице его родного села!

Уезжая из селения, Джафар никогда не пользовался этой узкой тропинкой, по обе стороны которой шел крутой обрыв. По ней, относительно короткой тропинке, ведя на поводу навьюченных ослов, крестьяне везли на продажу в равнинные села дрова, сыр в бурдюках, мед, фрукты, а возвращались отоваренные мукой, рисом, сахаром, кое-какой одежкой.

Хорошо знающий свое дело плешивый осел осторожно поднимался вверх по краю отвесного обрыва, и вдруг Джафара обдало холодным потом так, что влажная рубашка прилипла к спине, и холод этой влажной ситцевой рубахи вкупе с подобным же холодным страхом заставил и Джафара содрогнуться: тропинка вела прямо в сторону его дома. Они доберутся туда еще до наступления сумерек, в такое время его дочери, как всегда, во дворе — малышня будет играть, а те, что постарше, заняты каждая своим делом: или будут стирать белье, или, окружив тендир, помогать матери выпекать чурек, или бог знает еще что, — как известно, по дому всех дел не переделаешь.

И когда Джафар представил себе, что дочери увидят его в непотребном виде, со свисающими меж ног причиндалами, у него потемнело в глазах. Он всей силой сжал коленями бока животного, крича: «Стой!.. Стой, ишак, сын ишака!», пытаясь остановить, каким-то образом заставить его повернуть назад, но плешивый все так же медленно двигался по той же узкой тропинке, ненадолго останавливался, встретив на дороге кусты чертополоха и чего-то еще, пожевав, не обращая внимания на метания и крики своего седока, снова продолжал свой роковой путь.

За все время пути Джафар видел среди кустов три или четыре сброшенные змеиные кожи, и подумал, что было бы хорошо, если б им повстречалась змея, она бы ужалила осла, заставила упасть, свалиться в пропасть, ладно, пусть он и сам останется под ослом, сгорит, превратится в пепел под этим палящим горным солнцем,

пусть, но, кажется, в этот день даже змеи отвернулись от конокрада Джафара.

Если Аллах хотел наказать Джафара, стоило ли ждать столько времени — ведь для этого было столько возможностей! — убил бы его, не убил, так наслал тяжкую хворь, превратил бы в калеку, заставил принять покаяние. Отчего Аллах двадцать лет ставил его в такие условия, чтобы он занимался воровством? Для того чтобы подвести к этому позору?

Опустив голову, Джафар посмотрел на свои срамные места, и ему показалось, что волосы на голове встали дыбом, словно шила скорняка. Джафар пытался раскачиваться из стороны в сторону, кричал, матерился, но все это никак не действовало на плешивого осла, напротив, судорожные движения седока словно приказывали: «Иди чуть быстрее!», и тот уже двигался не медленно, как прежде, а сравнительно скоро по этой узкой тропинке.

С глубокого скалистого обрыва словно поднялась волна страха, она объяла Джафара черной тучей; наклонив голову, он глянул в обрыв, дно которого не проглядывалось, и в его мозгу пронеслась мысль: если Аллах поставил его перед подобным испытанием, пусть будет так, пусть оставшиеся без кормильца его дочери спустятся вниз, на равнину, станут побирушками, хуже того — непотребными девками, — вина во всем этом на самом Аллахе!

А вдаль уже стали темнеть очертания села.

Объятый ужасом Джафар снова опустил голову, вновь посмотрел на свои срамные места и, собравшись с силами, крича, сжимая ноги, колени, попытался повернуть осла обратно, вспять, но плешивый осел от этих попыток седока и от его безумного крика только ускорил шаг.

Стал виднеться и первый дом на околице села. Выбившийся из сил Джафар отвел глаза от своего срама, поднял голову, увидел первый дом на краю села, затем с безумной силой бросил свое тело налево, к пропасти; не ожидавший подобного толчка плешивый осел, потеряв равновесие, ревмя ревя, вместе с Джафаром слетел с тропинки, свалился на дно пропасти...

* * *

...Река Кура текла тихо, неспешно, и на берегу этой медленно текущей реки сидела женщина и напевала сперва одними губами, а затем уже вполголоса одну из печальных песен того видимого измерения, в ее голосе было столько горечи и печали, что, казалось, и Кура текла столь спокойно, чтобы вслушиваться в этот горестный и печальный напев.

И ОН уже знал, что та женщина — мать Вахтанга Потцихашвили.

Да, для НЕГО в том видимом измерении не было проблем с языком, ОН одинаково воспринимал все слова, но в этот момент в ЕГО прозрачной и невесомой субстанции родилось удивительное чувство: ОН хотел понять песню, которую пели на берегу медленно текущей Курь, понять на том самом языке, на котором напевала женщина, но это было невозможно, и это ощущение исчезло, пропало точно так же внезапно, как и родилось...

22

Когда комендант лагеря Гурд Керим, покрутив большими, грубыми пальцами левой кончик длинных усов, гневно покусывал их, его глаза краснели, и все присутствующие сразу понимали, что может пролиться кровь, но единственным созданием, что не боялось, не страшилось Гурд Керима, была Дочь Рыжего Чабана.

В тот день, когда Аббас Мирза сказал сам себе — достаточно, и евнух Абдул Рахман получил указание, чтоб Дочь Рыжего Чабана убрали из шатра Наследника, девушка проявила такое бесстыдство, подняла такой крик, что наложницы и служанки никак не могли вывести ее наружу. Когда, услышав эти крики и вопли, евнух поспешно вошел в шатер, дочь Рыжего Чабана с нечеловеческой силой вырвалась из рук державших ее, стремительно бросилась на скопца, расцарапала ногтями, продрала кожу его лица, шеи, безволосой груди.

Слышавшие этот тарарам сарбазы не осмеливались без разрешения войти в шатер Принца, но как только евнух Абдул Рахман своим тонким голосом в ужасе позвал их на помощь, они бросились в шатер, еле-еле оторвали Дочь Рыжего Чабана от скопца. Весь в крови, евнух не осмелился без разрешения Наследника наказывать Дочь Рыжего Чабана; по поручению скопца девушку до времени отправили и заперли в тесной деревянной каморке, где хранили воду, рядом с лагерным сараем.

Казалось, в ту деревянную каморку заключили не женщину, а дикое необузданное животное: Дочь Рыжего Чабана руками, зубами, ногтями пыталась снести, разрушить деревянные стены, дверь, чтобы вырваться наружу. В сарае содержали и овец для нужд войск, и доносящиеся оттуда запахи, бляение словно возвращали Дочь Рыжего Чабана в прошлое, в прежнее, и когда девушка вспоминала дни, проведенные с теперь уже ненавистным ей Аббасом Мирзой, она никак не могла смириться с этой холодной, темной, пропахшей сыростью и овцами каморкой, лупила по ее стенкам и вместе с ударами своих кулаков слышала и биение собственного сердца.

Именно в тот день, когда по пути в Тегеран Принцу показали Голову, мысленно мечтающий о самых страшных пытках на свете, которым будет подвергнута Дочь Рыжего Чабана, евнух, улучив момент, поведал Аббасу Мирзе о случившемся. Принц глянул на исцарапанные в кровь щеки, шею скопца и произнес, улыбнувшись еле заметной улыбкой:

— Передай ее в подарок Гурду. — Затем, отведя глаза от оставшегося стоять с разинутым ртом от евнуха, добавил: — Только предупреди: пусть не обижает девушку.

Гурду — то есть коменданту лагеря Гурд Кериму.

В тот же вечер Дочь Рыжего Чабана была выведена из деревянной каморки рядом с армейским сараем и оказалась в шатре Гурд Керима. Вернувшись в лагерь после поездки в Тегеран, куда он отвозил Голову, чтобы продемонстрировать ее Фатали-шаху, Гурд Керим узнал о замечательном подарке Принца и воспринял его как знак особого к нему благоволения.

Гурд Керим придерживался мысли, что в душе Аббаса Мирзы таятся два существа: одно из них — Ангел, другое — Дьявол, и когда Принц, перейдя со своей армией Аракс, разбил лагерь на равнине Харамы и назначил Гурд Керима комендантом лагеря, они, то есть Аббас Мирза и комендант лагеря Гурд Керим, общались почти каждый день, но ежедневное общение с правителями дело опасное и редко кончается добром. Дьявол внутри Наследника понемногу брал верх над Ангелом, и никому не приходило в голову, какой ужас порой охватывает Гурд Керима, когда он задумывается об этом.

Дочь Рыжего Чабана никоим образом не подпускала к себе Гурд Керима, больше того, всей душой ненавидела его. Большой, волосатый живот, свисающие вниз, заросшие брови, крашенные в черный цвет усы и волосы Гурд Керима — этого уродливого и огромного мужчины после Аббаса Мирзы — были для дочери Рыжего Чабана самыми отвратительным животом, усами, бровями, волосами на свете, и когда взамен нежных, умелых пальцев Аббаса Мирзы ее пытались коснуться толстые и грубые лапы коменданта, Дочь Рыжего Чабана, казалось, обретала еще большую силу, с яростным упрямством отталкивала от себя Гурд Керима.

Уже столько времени Дочь Рыжего Чабана снесдало одно-единственное желание: каким-то образом вновь повидаться с Аббасом Мирзой, приникнуть к его груди, чтобы страсть снова заставила трепетать их, а после, когда Аббас Мирза провалится в сон, вытащить спрятанный под матрацем острый кинжал и вонзить его по самую рукоятку в сердце Принца. Отомстить ему за его предательство — Дочь Рыжего Чабана справедливо считала эту разлуку и то, что ее передали в качестве дара Гурд Кериму, предательством.

Гурд Керим никак не мог сломить сопротивление этого прекрасного дара. Даже если девица засыпала, как только его рука касалась ее, она тут же вскакивала, снова пускала в ход острые зубки и ногти, ее крики оглашали весь лагерь. Но, странное дело, как только эта девушка, которую он никак не мог приручить, пускала в дело свои напоминающие ястребиные когти, ногти, плевалась, драла его за волосы, кусала руки, Гурд Керим еще больше привязывался к извергающему огонь престелному созданию.

Гурд Керим не хотел применять насилие не только потому, что влюбился, словно несмышлениш, в Дочь Рыжего Чабана, но и потому, что евнух, вопреки своему желанию, вынужден был передать ему наказ Наследника:

— Господин комендант, его величество пожелали, чтоб вы заботились об этой девушке.

А девушка, чьи волосы уже растеряли прежний золотистый блеск и превратились в просто рыжие, все еще не была даром, а заточенной в клетку раненой львицей, и уже который день живя своей разрывающей сердце мечтой, она, казалось, понемногу теряла рассудок...

...Прошло какое-то время — год, два или три? — сумевшая как-то выбраться из охраняемого шатра такого

громилы, как Гурд Керим, и добравшаяся до Тегерана, голодная и бесприютная, Дочь Рыжего Чабана, целыми днями бродя по улицам Тегерана под свист и улюлюканье уличных мальчишек, прогонявших ее, бросавших в нее камни, по ночам приходила на городские базары, а там сторожа лавок, амбалы, дворники, каждый, завлекая ее куском хлеба или мяса, заводил ее в одну из лавчонок, уложив прямо на землю, приподнимал подол рваной юбки, делал свое дело, выходил наружу, передавая ее следующему. А она, всякий раз говоря: «Мой Аббас Мирза!.. Мой Аббас Мирза!», пылко обвивала нового клиента, будто вьюн.

Порой Дочь Рыжего Чабана охватывало сомнение, и тогда, внимательно посмотрев на очередного мужчину, что, торопливо сняв штаны, пытался овладеть ею, огрубевшей ладонью еще не потерявшей силы руки, отталкивая челюсть, спрашивала:

— Разве ты не Аббас Мирза?

Мужчина боязливо оглядывался по сторонам темной лавки и на всякий случай, чтобы никто не слышал, шепотом произносил:

— Да, я — Аббас Мирза.

— Аббас Мирза? — переспрашивала Дочь Рыжего Чабана.

Мужчина, торопясь и задыхаясь, шептал:

— Да!.. Да!..

И тогда Дочь Рыжего Чабана с еще большей страстью и желанием прижимала мужчину к своим, уже потерявшим упругость и свисающим, словно пустые торбы, грудям.

* * *

...Над ущельем летала стая стервятников. А на дне пропасти, на крупных речных валунах лежали останки плешивого осла и опоясанный веревками труп.

И ОН узнал труп того конокрада. Страдание в открытых глазах кавказца, вокруг которых расплзлись муравьи, словно хотело, преодолев, пробить расстояние, проникнуть в ЕГО бесплотную и невесомую субстанцию.

Но и это ощущение в тот же миг исчезло.

И вдруг ОН осознал, что ЕГО миссия в том видимом пространстве завершена.

ОН осознал это, но в чем заключалась миссия, какое значение, какую цель имела, этого ОН никак осознать не мог, и потусторонняя интуиция в этот миг была совершенно беспомощна.

...И целая стая стервятников, совершив несколько кругов, спикировала на дно обрыва, села на крупные речные валуны и с ненасытной алчностью стала торопливо клевать и разрывать сначала самые нежные части ослиной падали и трупа — глаза, срамные места, затем и кожу живота...

23

*Письмо князя П. Д. Цицианова графу
Н. А. Тимофееву-Богоявленскому*

Санкт-Петербург.

Графу Н. А. Тимофееву-Богоявленскому.

Дорогой Николай! Мой любимый брат!

До меня дошла весть, что твое состояние ухудшилось, но, слава Создателю, заботами несравненной Ольги Михайловны ты вышел из кризиса. Забота Ольги Михайловны о тебе — достойном и славном генерале, настоящем русском воине, — по сути, служение всем нам, всей русской армии, матушке-России.

Эти слова, быть может, звучат несколько пафосно, но это меня не коробит, я не гнушаюсь этого пафоса, так как это — правда.

До наступления нового, то есть 1806 года осталось всего четыре дня, и я поздравляю тебя и дорогую Ольгу Михайловну с Новым годом и желаю вам счастья. Вы так славно прожили в этом нашем непростом мире, что счастье само в долгу перед вами, и оно призвано вернуть вам этот долг. Ордена на твоей груди не бутафорские, как у многих, они — свидетельство бесстрашия

и героизма русского солдата, готового отдать свою жизнь во благо Отечества.

В своем последнем письме ты обижаешься, что я не описываю во всех подробностях происходящие здесь события, ведь ты желаешь прочувствовать Кавказ, в том числе Закавказье. Мой дорогой друг, любые детали беспомощны высветить колорит, стремительный kaleidoscope происходящих здесь событий, так как подробности и характеристика этого края и его коллизий вовсе неоднозначны. Это край героизма и одновременно лицемерия, мужества и продажности, здесь есть глубокое философское мышление и примитивное сознание, огромные культурные традиции и мракобесие, невежество. Здесь из-за понятий чести отец может прирезать кинжалом дочь, брат — сестру, сын — мать. Здесь пятнадцати-шестнадцатилетний юнец может убить человека из-за одного матерного слова. Здесь молодая и прекрасная девушка, спрятав в складках платья маленький кинжал, способна отомстить за отца или брата. Здешние горы, леса, сады, мой дорогой друг, пленительней, чем в Швейцарии. Родниковые воды столь же чисты и прозрачны, как воздух гор, лесов и парков. С одной стороны, это сказочный мир, с другой — арена реальных и кровавых событий, далекая от всякой романтики.

Я наконец приступил к походу на Баку и пишу это письмо тебе в палатке в Мильской степи, относящейся к Ширванскому ханству. Здесь я подхватил гнусную лихорадку — тут даже хвори настигают внезапно, — но, конечно же, она не скажется на моей решимости и не может повлиять на мою историческую ответственность перед державой.

Я уже писал тебе, что такое для нас Бакинское ханство, и не хочу утомлять тебя снова, говоря о том, какое значение будет иметь вхождение Бакинского ханства в состав нашего государства. К сожалению, десять лет назад, по известным тебе причинам, мы не смогли остаться здесь и закрепиться. Если бы сделали это тогда, в нынешнем походе нужды бы не было и Баку превратился бы в наш основной военный и торговый порт на Каспии и удовлетворял бы все наши потребности в горючем; мы экспортировали бы на весь мир нефть, которая здесь бьет фонтаном буквально на каждом шагу.

Я использую все возможности, чтобы мы взяли Баку бескровно — путем переговоров. Правда, здешний Гусейнкули-хан постоянно маневрирует: то флиртует с Каджарами, то братается с нами, то тайно налаживает контакты с Османами, но нельзя маневрировать бесконечно, пришло время поставить точку, и я думаю, что прижатый к стене Гусейнкули-хан осознает, что у него нет иного выхода, как перейти в наше подданство. Он не станет, подобно Джавад-хану, взявшись за меч, идти на

погибель, для этого у него нет ни средств, ни дерзости, да и, надеюсь, ума побольше.

Коля, я уже стал специалистом по Баку. Написал письмо директору библиотеки Академии наук господину Шуберту, прося помочь мне в получении сведений по истории Баку, он милостиво не отказал мне и прислал множество материалов. Баку в последние столетия часто переходил из рук в руки — то к Османам, то к Сефевидам, — не только христиане-европейцы ведут меж собой бесконечные и жестокие войны. К сожалению, мы дважды упускали из рук Баку, и всякий раз, вспоминая это, я переживаю чувство глубокого огорчения. В 1722 году генерал Матюшкин¹ сумел, не проливая крови, захватить Баку, князь Барятинский² был назначен комендантом города, но император³ скончался, а к тому же тут на арену вышел НаDIR, и мы были вынуждены оставить город. Второй раз — этот случай ты знаешь лучше — мы захватили Баку, но после смерти Ее Величества⁴ наши войска были отозваны... Это было непостижимо, я не хочу писать об этом факте — ты и без того сам все хорошо знаешь... Во время смуты, возникшей после Надира, во всем Азербайджане образовались независимые ханства, среди них для нас самое большое значение имеет как со стратегической, так и с экономической точки зрения Бакинское ханство.

У населения Бакинского ханства существует панический страх перед Россией, а основу этой боязни, страху положил преступник и пьяница Стенька Разин. Он со своими разбойниками напал на Апшерон — это полуостров, на котором расположен Баку, и хотя после того набега прошло 150 лет, бакинцы до сих пор не забыли бесчинств, которые он творил. Десять лет назад — как быстро бежит время, Коля! — я сам был свидетелем страхов бакинцев, но мы, разумеется, не станем потакать чьим-то страхам и капризам. Баку будет первой нашей большой победой в 1806 году, и я сразу же отправлю тебе поздравительное письмо. На сей раз ханство навсегда войдет в состав России. И Османы, и Сефевиды получают благодаря Бакинскому порту большую прибыль, лишь осуществляя транзит и торговлю шелком, я еще не говорю о нефти, соли и прочих промыслах.

Несмотря на все трудности, год в отношении Азербайджана оказался для нас удачным, весной мы приобрели, не пролив крови, такое большое и весомое

¹М. А. Матюшкин — русский полководец, командующий русской армией во время Персидского похода Петра I.

²И. Ф. Барятинский — русский военный и государственный деятель, генерал-аншеф, впоследствии являлся генерал-губернатором Москвы.

³Имеется в виду Петр I.

⁴Имеется в виду Екатерина II.

приобретения Азербайджана, как Карабах. Значение этого приобретения также огромно.

С востока Карабахское ханство охватывает Елизаветполь (бывшая Гянджа), а само оно — удобный плацдарм для захвата и постоянного удержания в руках всего Северного Азербайджана, включая Эриванское, Бакинское, Кубинское, Дербентское ханства. Взятие Шушинской крепости — столицы Карабаха, истинной обители орлов, — доказало каждому азербайджанцу, особенно карликовым правителям-сатрапам, что славная русская армия непобедима и противиться ее мощи невозможно. Сразу после Карабаха российское подданство принял шекинский хан Селим, а на днях договор о присоединении к России был вынужден подписать и ширванский хан Мустафа.

Ибрагим Халил — карабахский хан — человек умный, опытный, как и все кавказские правители, изворотлив, хитер, раздает направо-налево обещания, но если его по-настоящему не попрятать, не выполняет ни одно из них. Не прожигатель жизни, истинно государственный человек. В свое время Каджары так надавили на него, что ради защиты ханства он выдал свою дочь Агабегим — говорят, и она прекрасная поэтесса, — за Фатали-шаха. Дядя Фатали-шаха по отцу — Ага Мухаммед-шах — тот самый, что после Надира смог захватить власть и стал основателем нынешней династии Каджаров, — дважды шел походом на Шушу. Первый раз одолеть Шушинскую крепость ему не удалось, разъяренный, он повел войска на Тифлис. Зверства, которые он там учинил, до сих пор заставляют содрогаться грузин. Во второй раз — восемь лет тому назад — в 1797 году, ему все же удалось захватить Шушинскую крепость. Ибрагим Халил-хан бежал, но в ту же ночь в Шуше, во время сна, шах, этот свирепый властитель, был убит своими же охранниками.

Мне рассказывали удивительную историю: один из прославленных азербайджанских поэтов был визирем Ибрагим Халила, в свое время в знак почтения он отправил незабвенной императрице Екатерине украшенный драгоценными камнями — настоящее произведение искусства — посох, так вот, автором оскорбительных писем, которые Ибрагим Халил-хан посылал Мухаммед-шаху Каджару, был все тот же визирь. Шах ночью арестовал его, бросил в темницу, решив утром казнить, сказав при этом, что с удовольствием будет присутствовать при казни, но той же ночью шах сам был убит, а визирь остался жив.

Говорили, что заговорщики отрезали голову Мухаммед-шаха — здесь подобные зверства случаются, хотя гильотина сюда еще не добралась, — а Ибрагим Халил возвратился в Шушу, сел на свой трон и совершил такой дипломатический ход: торжественно отправил голову

шаха вместе с телом в Тегеран. В Тифлисе мне сказывали, что одним из организаторов убийства шаха был сам Ибрагим Халил-хан, я допускаю это, здесь никому доверия нет, завтра, если подвернется случай, они отсекут и мою голову, а затем с огромной и лживой печалью и помпой отправят мои останки в Петербург.

Такие вот дела.

Все в руках Господних.

Но на сегодня Господь возлюбил нас, и мы без потерь и кровопролития смогли обратить Карабах в одну из провинций России.

Как и во всем мире, в Азербайджане, и в целом в Закавказье, роль женщин велика.

Ибрагим Халил-хан старался обмануть нас, давая ложные обещания. Его жена Джавахир — дочь известного грузинского князя Евгения Абашидзе, выйдя замуж, она приняла мусульманство, — опасаясь Каджаров, тайком прислала мне письмо, советуя решительней давить на Ибрагим Халил-хана и требовать принять российское подданство. Я отправил соответствующее требование, и в том, что мы без всякого кровопролития овладели Карабахом, видимо, сказалось немалое влияние на мужа Джавахир-ханым.

В мае этого года мы совершили церемонию приведения к присяге Ибрагим Халил-хана, Карабахское ханство приняло российское подданство, обязалось ежегодно выплачивать в российскую казну восемьдесят тысяч рублей золотом, а главное, расквартировали в Шуше российский гарнизон в пятьсот солдат. Взамен мы обязались обеспечивать территориальную целостность Карабахского ханства, а также сохранение навечно власти Ибрагим Халил-хана и его наследников. Но это, ясное дело, для нас пока обязательство первичного варианта. После того как под российским подданством в Карабахе установятся мир и стабильность, все образуется само по себе. Ибрагим Халил-хан указом императора получил звание генерал-лейтенанта, а его сын — генерал-майора, вот и они пополнили ряды наших бумажных, паркетных генералов. Немного смешно, не так ли?

Я назначил майора Лисаневича — верного родине и Его Величеству императору патриота и решительного офицера — командиром Шушинского гарнизона и одновременно военным комендантом города. Все еще сомневаясь в надежности Ибрагим Халил-хана, поручил майору быть предельно бдительным и, если понадобится, безжалостным по отношению к «генерал-лейтенанту».

Сейчас моя основная проблема — вопросы снабжения и финансы. Не хочу, чтобы наше финансовое обеспечение полностью ложилось на Санкт-Петербург. Старюсь понемножку переключать часть этих забот

на плечи местных правителей, но они исключительно скупы, рядом с ними венецианский Скупой и Гарпагон щедрые, расточительные моты.

Знаешь, не в моих правилах вспоминать своего предшественника всуе, но Карл Федорович Кнорринг развратил азербайджанских ханов, бесчисленных грузинских принцев и царьков, пытался, задабривая подарками, перетянуть их на нашу сторону. Они с удовольствием принимали подарки Карла Федоровича, похваливали, говорили о симпатии к России, но исподволь делали свои дела, как правило, направленные против России. Не мы должны задабривать их, а они обязаны платить нам дань, обеспечивать армию продуктами и гужевым транспортом.

Знаешь, сколько мне пришлось уговаривать Ибрагим Халил-хана передать нам десяток коней знаменитой карабахской породы для конюшни Его Величества? Но добиться этого не смог, пришлось приобрести их за счет подати. То же и с шекинским ханом, и он передал нам партию замечательного шекинского шелка и вытканые из шелка ковры для отправки в Петербург за счет подати. Конечно, это временное явление, пока я не хочу особо прибегать к давлению, пугать их прежде времени. Эти господа привыкли не давать, а брать. К сожалению, подобных немало и среди наших чиновников в Петербурге, но это уже предмет особого разговора.

Куда бы ни бросала меня судьба, с каким бы народом или нацией ни сталкивался, я всегда убеждался в величии и уникальности русского духа. Насколько велика территория России, настолько широко ее сердце. Но, думаю, ты верно поймешь меня: на этом диком Кавказе добиться чего-то открытостью русской души, гуманизмом русского духа, веротерпимостью — невозможно. Я освободил Грузию от всех царских династий, я принес в жертву дикарям такого славного генерала, как Лазарев, но что с того? Ты считаешь, что там царит спокойствие? Как бы не так! Почти каждый месяц раскрывается новый заговор: Османь или Каджары, отыскав какого-нибудь приبلудного принца, скрывающегося в дагестанских аулах, находящегося под покровительством горцев, стремятся усадить его на трон. Погляди, куда зашли дела, если в прошлом году один из грузинских принцев, Александр, уговаривал Фатали-шаха двинуть войска на Тифлис, примкнув к эриванскому Мухаммед-хану; собрав кое-какие силы, он пытался воевать с нами. Но генерал-майор Тучков в пух и прах рассеял этот сброд, Александр бежал как заяц, затаился где-то, теперь, мне доносят, заискивает перед Аббасом Мирзой, надеется на его помощь. Представь, другой грузинский принц, приняв мусульманство, тоже пытался действовать рука об руку с Османями.

Не знаю, слышал ли ты или нет: ряд грузинских царей приняли ислам, сменили имена, Ростом стал Хосров Мирзой, Иракий — Назар Али-ханом, я говорю лишь о тех, кого припоминаю. Разумеется, многие из них сделали это вынужденно, но, во всяком случае, эти факты о чем-то говорят, и мы не должны оставлять их вне внимания.

Какое-то время мы обязаны маневрировать, выжидать, но в принципе с кавказцами следует говорить только и только языком силы.

Конечно, пройдет время, изменятся и здешние люди, все более укрепляющиеся традиции русского просветительства скажутся и на них, и тогда они убедятся, что Россия состоит не только из генералов и солдат. Посредством России они откроют для себя Европу, воспримут европейские духовные ценности, приобщатся к культуре, науке. Но, Коля, мой дорогой друг, не скрываю: думая обо всем этом, но не убежден — хорошо это или плохо? А что произойдет потом? Сегодня Азербайджан разбит на мелкие ханства, по инерции раздроблена Грузия, мы объединяем их в составе России, а кто может поручиться, что завтра они, встав на ноги, не заявят: отчего бы и нам не быть самостоятельными государствами? Отчего бы и нам не вступить в ряд независимых стран? Когда я думаю об этом, честное слово, не нахожу себе места.

Но, Николай, мою душу гложет и иное беспокойство, и оно, это беспокойство, связано не с Кавказом: сколько еще войн будет вести в Европе Бонапарт? До каких пор он будет довольствоваться заключением половинчатых договоров о мире? Не придет ли день, когда Бонапарт поймет, что, не одолев Российскую империю, не раздробив ее на мелкие марионеточные королевства, герцогства, полностью покорить Европу невозможно? И что произойдет, если, собрав все силы, он осуществит поход на нас? Готовы ли мы к этому? Бонапарт — не Фатали-шах или Султан Селим. В то же время не уступит им в двуличии и вероломстве, ни одному его слову верить нельзя!

После Аустерлица во мне возникло определенное чувство пессимизма. Лишь бы Создатель развеял мои опасения. Лишь бы не поставил нас лицом к лицу с дерзкой заносчивостью баловня судьбы Бонапарта. Но уже сейчас мы должны иметь в виду подобную вероятность, всеми силами готовиться к ней. Не знаю, поступил ли верно или нет, но некоторое время тому назад я написал лично Его Величеству об этих своих мыслях, опасениях. Знаю, некоторые хорошо известные и тебе чиновники в очередной раз будут шушукаться: снова, мол,

князь Цицианов, поверх наших голов, обращается к императору с вопросами, не имеющими ему касательства. Пусть! Но я чист перед своей совестью, и если речь идет об интересах страны, нет вопроса, который не имел бы ко мне отношения. Ибо я — рядовой солдат державы и таковым буду всегда!

Впереди нас ожидает 1806 год, и я всем сердцем желаю, чтоб, несмотря на все трудности, он стал наиболее успешным для России. Чтоб Бог отвел беды от нашей родины.

Не знаю, слышал ли ты или нет, но до меня дошли слухи, что Его Величество после Аустерлица подумывает отозвать меня в столицу, чтобы использовать на европейском военном направлении. Разумеется, интересы России в Европе предельно важны, для меня было бы честью защищать их силой оружия, но с тех пор, как до меня дошли эти слухи, каждое утро молюсь, чтобы мне не была предложена самая высокая должность, пока окончательно не покорю этот дикий край. Мне кажется, что превращение на веки вечные Закавказья в часть империи — моя основная миссия на этом свете. Именно с этой целью Создатель направил меня в этот край и даст мне люффт, чтобы я в полной мере выполнил эту миссию. Аминь!

Я готов до конца жизни сражаться здесь, а также заниматься созидательными делами. Но умереть здесь не желаю. Когда-нибудь, после завершения здешних дел, я хотел бы быть похороненным в Петербурге и там с одной из его возвышенностей глядеть на эти места.

Ты всегда говорил, что тайны жизни открываются нам после того, как умрем, уйдем в иной мир. Если и вправду это так, я хотел бы, глядя из того, иного мира на родную Россию, видеть, что она расширилась территориально, стала обладать более высокой культурой и наукой, что она продвигается навстречу будущему еще более стремительно и мощно. И тогда, мой дорогой брат, дорогой и любимый друг, в том ином мире, о котором ты говорил, не будет человека счастливее меня.

Обнимаю и жму твои руки.

Прошу передать Ольге Михайловне мои самые лучшие пожелания и то, что я, как всегда, ее очень люблю. Пока, до моего поздравительного письма в связи с нашей окончательной победой над Баку.

Твой

Павел Цицианов.

27 декабря 1805 г.

Азербайджан.

Мильская степь.

Окончание следует.

